
РЕКОНСТРУКЦИЯ НАЦИИ, ГОСУДАРСТВА И БЛАГОСОСТОЯНИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВ БЛАГОСОСТОЯНИЯ*

Дж. Кларк

Начиная с вопроса о том, что такое государство благосостояния, эта статья рассматривает концептуальные проблемы, связанные с определением этой категории. В статье говорится, что литература по социальным наукам нередко избегает обсуждения этого вопроса, предлагая взамен принятые по умолчанию абстрактные дефиниции или казуистический эмпиризм. Обе тактики не выдерживают проверки сравнительным синхронным или диахронным анализом. В качестве альтернативного подхода предлагается концептуальный поворот к исследованию составных институциональных сущностей, которые иногда называются «сборками», «конstellациями», «ансамблями» или «сочлененными образованиями». Анализируется суть этого подхода, который утверждает, что государства благосостояния лучше понимаются как образования, в которых артикулированы формы благосостояния, формы государства и формы нации. Полагая нацию центральной чертой этого образования, можно сделать заметной роль государств благосостояния в направлении и управлении народами и населением. Такой взгляд поможет нам понять, как «трансформируются» различные элементы при изменении государств благосостояния.

Ключевые слова: нация, народ, население, граждане, правление, де-конструкция, реконструирование

Трансформация государств благосостояния была предметом разных споров, вращающихся вокруг глубины и масштабов трансформации, вокруг ее причин, вокруг ее направления и вокруг степени сходства или различия

---

* Перевод осуществлен с любезного разрешения автора по изданию: Clarke J. Reconstructing Nation, State and Welfare: The Transformation of Welfare States // Welfare State Transformations: Comparative Perspectives / ed. by M. Seeleib-Kaiser. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. P. 197–209.

между государствами благосостояния. Эти острые дебаты обычно исходили из существования особого объекта анализа – государства благосостояния, или (иногда говорят во множественном числе) государств благосостояния. Это допущение имеет ряд проблематичных последствий. С одной стороны, оно означает, что понятийные затруднения по поводу сущности государств благосостояния избегаются, заменяясь презумпцией, что авторы и читатели располагают общим представлением о том, что такое государство благосостояния, принимая его как нечто само собой разумеющееся. Обычно в социальных науках такие принимаемые на веру допущения или формы знания должны сопровождаться пометкой «обращаться с осторожностью». С другой стороны, недостаток концептуального внимания ведет к казуистическому эмпиризму, в котором допускается замещение государств благосостояния более специфическими объектами изучения. Как правило, это программы расходования средств или паттерны социальных расходов. Например, в новейшей литературе в качестве замещающих объектов, через которые можно исследовать изменчивые судьбы государств/государства благосостояния, берутся важнейшие социальные программы (политика в отношении безработицы и рынка труда, пенсионные программы) или более широкие паттерны социальных расходов [см., например: Castles, 2004; Ellison, 2006].

Проблемы отбора конкретных индикаторов как заменителей государств благосостояния широко обсуждаются [см., среди прочего: Castles, 2004; Daly, 2000; Sykes, 1998], но обычно замыкаются на спорных принципах отбора: адекватности, фокусировке (относительных видимостях и невидимостях, которые при этом создаются) или сравнимости. Они редко возвышаются до концептуальной проблемы связи между заменителем и обсуждаемым объектом. Например, Кастлс использует Базу данных о социальных расходах ОЭСР, предваряя это следующим замечанием: «Относительно большинства глав, посвященных тенденциям в социальных расходах, важно с самого начала признать, что расходы – это в государстве благосостояния не самое важное» [Castles, 2004. P. 14]. При этом другие вещи, которые, возможно, составляют самую суть государства благосостояния, остаются решительно невидимыми, заслоненными мощью (или доступностью) данных о расходах. Это колебание между принимаемой на веру абстракцией и эмпирической казуистикой оставляет незатронутым ряд важных вопросов, касающихся государств благосостояния. В этой связи я собираюсь поднять некоторые вопросы относительно того, что мы понимаем под термином «государство благосостояния» и как связываем его с недавними развитиями в изучении государств как составных сущностей. Такие термины, как «сборки», «конstellляции» и «сочлененные образования», указывают на новые возможности, которые можно и, может быть, даже нужно ввести в мышление о природе государства благосостояния (welfare state-ness). Поэтому я предполагаю, что осветить проблему «трансформации» можно, мысля государства благосостояния как образования, сочленяющие благосостояние, государ-

ство и нацию. Такой взгляд позволяет, в частности, увидеть разные и потенциально расходящиеся динамики трансформации, которые ставятся на карту при реконструкции государств благосостояния.

Что такое государство благосостояния?

В каких-то смыслах основополагающей проблемой для исследований государств благосостояния является неуловимость самого этого термина. Как отмечалось в «Ключевых словах» Реймонда Уильямса, у термина «welfare» (благосостояние) есть история, связавшая обобщенный смысл благополучия (как инверсии пожелания «fare well» [«всего доброго»]) с общественным, или коллективным смыслом делания чего-то в поддержку такого благополучия [Williams, 1976]. Здесь можно остановиться и задуматься о значимости более недавнего возрождения слова «благосостояние» в политических кругах, привнесшего в него иной набор смыслов. Либо можно вернуться к взгляду Уильямса на то, как термин «благосостояние» стал употребляться – не в последнюю очередь в связке с «государством» – для обозначения альтернативы британским идеям и практикам благотворительности и филантропии XIX столетия. В политическом и просторечном употреблении, таким образом, идея «государства благосостояния» свела две позитивные ориентации – настроенность на содействие коллективному благополучию и противостояние социально узкому и предвзятому миру филантропии.

Между тем в этих общепринятых употреблениях слову явно недостает хотя бы какой-то степени концептуальной строгости. Скорее, они указывают на то, как идеи благосостояния и государства благосостояния потенциально укладываются в популярные дискурсы (и выражаемые ими политические антагонизмы). В более академических средах «государство благосостояния» упорно оставалось понятийно неуловимым. Государственность (state-ness) благосостояния, например, может указывать на очень разные типы государства и очень разные формы государственной деятельности. В связи с благосостоянием можно было бы разграничить разные роли, играемые государством: финансирование, прямое предоставление услуг, координацию «смешанных экономик обеспечения», регулирование и ручное управление, гарантирование прав и т. д. Но какая из них определяет «государственность» государств благосостояния? Точно так же есть вопросы по поводу того, как идентифицировать аспекты государств, относящиеся к «благосостоянию». Как я ранее заметил, в исследованиях государств благосостояния имеется склонность к идентификации того, что можно было бы назвать «ядерными» деятельностью, или программами. Государства благосостояния предстают заключающими в себе политические программы, связанные с безработицей и рынком труда (хотя мы могли бы вернуться к вопросу о том, имеет ли вообще значение то, что они направлены на безработицу или рынки труда). Они предстают заключающими в себе политические

программы, нацеленные на старость (по крайней мере, пенсии, но, возможно, и программы социальной помощи). В британской социальной политике государство благосостояния обычно воспринимается как совокупность институтов, заключающих в себе публичные политики в отношении поддержания дохода, здравоохранения, образования и жилищного обеспечения.

Такие программные уточнения оставляют открытыми два вопроса. Первый – о прочих государственных политиках и практиках, которые могли бы содействовать благосостоянию, но редко считаются частью государства благосостояния. Наличие государственно финансируемых, продвигаемых и регулируемых «досуговых» институтов и деятельности можно рассмотреть как попытки государства содействовать здоровью, сбалансированности и счастью населения. Являются ли эти цели отличными от «благосостояния»? В такой же мере и проблемы транспорта (его инфраструктуры, обеспечения, регулирования) можно мыслить как проблемы «благосостояния», ведь они множеством способов влияют на индивидуальное и коллективное здоровье, благополучие и социальное участие. Третий и, пожалуй, самый проблемный набор политик и практик включает политики и аппараты охраны порядка, криминализации и права, которые, по утверждению многих ученых, стали занимать все большее место в тех частях роли государства, которые обычно относят к «благосостоянию» [см., например: Garland, 2001; Stenson, 2000]. Такая точка зрения говорит о переносе аналитической фокусировки с деятельности государств по обеспечению «благосостояния» на подвижные комбинации политик и практик, направленных на «управление социальным» [Clarke, forthcoming a].

Второй ряд вопросов, предполагаемый программными концепциями «благосостояния» как качества государств, касается их связи с социальными отношениями. Многие исследования государств благосостояния имеют неявный нормативный характер, предполагающий, что «благосостояние» одновременно благотворно и прогрессивно. Эта имплицитная нормативная ориентация на благосостояние была во многих отношениях углублена направленными против благосостояния и антиэтатистскими политиками неолиберальных и неоконсервативных политических движений. Имея таких врагов, как могли мы питать сомнения по поводу государств благосостояния (за исключением, быть может, инструментальных вопросов, касающихся повышения их производительности и эффективности)? Тем не менее есть смысл сделать «социальный» характер государств благосостояния более зримым, чем обычно бывает. Возможно, это позволило бы нам задуматься о структурированных паттернах включения и исключения в связи с ресурсами благосостояния. Мы могли бы также лучше увидеть условия включения: формы подчиненных или обусловленных инклюзий, при которых доступ к благосостоянию не является индивидуальным и безусловным статусом. Эти проблемы связывают государства благосостояния с вопросами гражданства и его формирования в связи с классом,

гендером, сексуальностью, возрастом, национальностью/этничностью и трудоспособностью. Каждая из этих форм дифференциации обеспечивала конститутивную динамику, формирующую так или иначе статус гражданина и доступ к государственному обеспечению благосостояния.

Но, что еще интереснее, такие вопросы могли бы указать нам на роль благосостояния в производстве социальных разделений и различий. В большинстве исследований государства благосостояния рассматриваются как «вторичные» социальные институты, влияющие на социальные отношения в обществах, частью которых они являются. В этих терминах мы можем оценивать их влияние или последствия. Обостряли они или сглаживали структурированные формы социального неравенства? Уменьшали ли они классовые различия? Сужали ли они гендерный разрыв? И т. д. Между тем государства благосостояния – это еще и формообразующие институты: они устанавливают категории, через посредство которых организуются и распределяются услуги и пособия. Они определяют узловые точки различий и воздействуют на них (задумаясь, например, о том, как много в политики и практики благосостояния вписано наших возрастных категорий). Они сортируют, категоризируют и распределяют позиции между людьми; они предоставляют стимулы и вознаграждения для одних типов людей и типов поведения и ограничения и наказания – для других. Именно в таких терминах фукианский интерес к «управлению населением» дает своеобразную и сильную точку зрения на благосостояние и государства благосостояния [см., например: *Analysing Social Policy...* 2006]. Государства благосостояния в этом свете работают с населением – организуют, категоризируют, улучшают, регулируют и направляют их.

Выбор таких обходных путей в ответ на банальный вопрос «что такое государство благосостояния?» может показаться ненужным и повергающим в уныние. Однако я настаиваю на том, что оба термина – и «благосостояние», и «государство» – трудноопределимы и неуловимы и что соединение их в один объект изучения – рискованное предприятие. Далее я хочу предложить подход к изучению государств благосостояния, трактующий эту понятийную проблему как неотъемлемую часть государства благосостояния как такового, а не как что-то такое, что может быть разрешено с помощью теоретического указа («государство благосостояния есть сумма пенсий, здравоохранения, политик занятости и образования») или эмпирического удобства («у нас есть сравнительные данные в отношении этих трех программ»). Вместо этого я хочу взять в качестве отправной точки позицию, что выражение «государство благосостояния» есть, прежде всего, *практическое* понятие, то есть понятие, глубоко укорененное в повседневном и политическом дискурсе. Из его практического применения вытекает, следовательно, забота о том, как оно применяется: как оно наделяется смыслом, как его значения мобилизуются, оспариваются, изменяются, наделяются ценностью и обеспечиваются. С этой позиции государства благосостояния в основе своей суть

идеи или образы, которые воплощаются в сложных комбинациях институтов, политических программ и практик.

Сборка государств благосостояния

К этому вопросу о «сложных комбинациях» мы могли бы подойти, поразмыслив о том, как термин «государство благосостояния» вбирает в себя разные понимания «благосостояния» (от его американского употребления, в котором он обозначает дополнительные, или негосударственные программы страхования, как то помощь семьям с находящимися на иждивении детьми, отмененная на «исходе благосостояния» в 1996 году, до целого спектра пособий и услуг, объединенных в скандинавской «модели благосостояния»). Они соединяются с самыми разными моделями того, как государства производят благосостояние: от прямого предоставления до регулирования и финансовой поддержки различных негосударственных организаций. Такое срывание покровов с понятия государства благосостояния позволяет нам увидеть, как разные национальные государства благосостояния вовлекли в дело особые комбинации благосостояния и государства, в которых центральное значение для формы «государства благосостояния» имеют как различия в содержании и смысле благосостояния, так и различия в роли, играемой государством.

Этот интерес к комбинациям совпадает с параллельными развитиями в социальных науках – особенно, хотя и не только, в подходах к государству. Комбинация перекликается со «сборками» [Latour, 2005], «ансамблями» [Sharma, Gupta, 2006], «конstellляциями» [Leibfried, Zürn, 2005] и «сочлененными образованиями» [Clarke, 2004]. Каждый из этих терминов указывает на смысл конструкции и комбинации – выстраивания элементов во временное единство. С точки зрения Латура, «сборка» – это понятие, заново открывающее вопрос о том, как конституируется социальное:

Когда социальные ученые присоединяют к какому-нибудь феномену прилагательное “социальный”, они помечают тем самым некое стабилизированное положение дел, некий узел связей, который можно позже вовлечь в дело для объяснения какого-то другого феномена. И в этом употреблении слова нет ничего плохого, пока оно обозначает нечто *уже* собранное без принятия лишних допущений о *природе* собранного (Latour, 2005. P. 1; курсив в оригинале).

У Латура эта идея сборки как «стабилизированного положения дел» выводит на передний план аналитическую проблему прослеживания *ассоциаций*, то есть производства сети связей между образующими сборку людьми и вещами. В приведенном кратком комментарии Латур дает нам два важных прозрения. Первое – идея собирания как процесса (со сборками как его результатом). Второе – настойчивое подчеркивание темпоральности: «уже собранное», «стабилизированное положение дел». Это вводит в наше видение

институтов, систем и структур вопросы о времени: они собираются, или конструируются, и стабилизируются на определенный период времени. Они открыты для дестабилизации, деконструкции и проектов пересборки.

В своем предисловии к недавно изданному сборнику «Антропология государства» Шарма и Гупта утверждают, что «условия для изучения государства изменились» и требуются «новые способы мышления» [Sharma, Gupta, 2006. P. 27]:

Задуматься о том, как государства культурно конституируются, как они закрепляются в человеческих жизнях, а также о социально-политических и повседневных последствиях этого конструирования – значит, выйти за пределы макроуровневого институционального анализа “государства” и сфокусировать внимание на социальных и бюрократических практиках и столкновениях и на публичных культурных текстах [Sharma, Gupta, 2006. P. 27].

У Шармы и Гупты государства – это ансамбли, сборки идей (представлений о государстве и государственности), политических программ, практик, людей и объектов (в которых воплощена государственность). Такие концепции государства расчищают поле исследования, в котором господствовали институционалистские понимания государств, трактовавшие их как цельные и связные объекты анализа. Вторым аналитическим ходом Шармы и Гупты стало рассмотрение государств в «транснациональной рамке» и утверждение, что «нынешний режим глобализации требует от нас отсоединение изучения государства от рамки национального государства» [Sharma, Gupta, 2006. P. 28]. Позже я еще вернусь к некоторым импликациям этого отсоединения, здесь же важно обратить внимание на его совпадение с фрейммированием государств как национальных государств и размышлениями Стефана Ляйбфрида и Михаэля Цюрна о национальных государствах как «конstellациях». Точнее говоря, они утверждают, что национальные государства «золотого века» лучше всего понимать как конstellации четырех ключевых элементов – ресурсов, права, легитимности и благосостояния, – собранных воедино в соответствующем социальном и политическом пространстве. Эту сборку они называют ТВЕДИ, обозначая форму национального государства, «развившую четыре измерения и связавшую их в плотно сплетенную ткань, а именно – многофункциональное государство, сочетающее в себе Территориальное Государство, государство, обеспечивающее Верховенство Закона, Демократическое государство и Интервенционное Государство» [Leibfried, Zürn, 2005. P. 3].

Правда, концепция многофункционального государства Ляйбфрида и Цюрна растет из более конвенционального политико-институционалистского видения государств, однако метафоры «конstellации» и «ткани» указывают больше на сконструированное (если не конструктивистское) понимание образования и трансформации государств. Например, когда они исследуют «переконфигурирование» национальной конstellации, их

метафоры выводят на первый план сложность сборок и их разборки. Так, говоря о возможной нынешней и будущей траектории, они отводят метафоре ткани главную роль в гипотезе, что:

изменения, произошедшие за последние 40 лет, – не просто складки в ткани национального государства, скорее развертка изящно сплетенной национальной констелляции золотого века. И на горизонте не видать сколько-нибудь стандартного, взаимно сплетенного развития четырех ее измерений. Между тем, хотя нас и ожидает эпоха структурной неопределенности, в ней нет единообразной хаотичности. Скорее мы видим структурированное, но несимметричное изменение в составе государства с расходящимися трансформациями в каждом из четырех его измерений [Leibfried, Zürn, 2005. P. 1].

И дальше они разбирают таким же образом ТВЕДИ:

Изнашивается ли ТВЕДИ, распутывается ли оно? Сможет ли и будет ли оно починено или заново сплетено – возможно, трансформировано в одно гигантское мировое государство с единообразным паттерном или переформировано в полусуверенные, субнациональные, региональные правительства? Или нити ТВЕДИ просто разделятся и пойдут каждая в постмодернистской манере своим особым путем, так что верховенство закона перейдет на международную арену, национальное государство уцепится за ресурсы территориального государства, а интервенционное государство выпутается из клубка и пойдет куда глаза глядят [Leibfried, Zürn, 2005. P. 3].

Кто-то возразил бы, что эти термины, строго говоря, лишь метафоры, а не понятия. Но они указывают на аналитические проблемы концептуализации государств и их трансформаций и, на мой взгляд, имеют большую ценность, улавливая одновременно две динамики: как вплетенность разных элементов в форму государства (которую Латур, возможно, предпочел бы назвать «стабилизированным положением дел»), так и возможность того, что разные элементы («нити») будут подчиняться разным давлениям и траекториям изменения (вместо единой трансформации государства). Их размышления, на мой взгляд, делают также более зримой контингентность и выстроенность национального характера национального государства – что важно, учитывая «методологический национализм», служивший организующим принципом в исследованиях государства благосостояния. Государства благосостояния – более или менее имплицитно – понимаются как национальные государства [Clarke, 2005a].

В моей собственной работе я все больше интересовался трактовкой государств благосостояния (и их двойника – национальных государств) как особых сочлененных образований, в которых собраны воедино идеи и институционализированные практики благосостояния, государства и нации [см.: Clarke, 2004; Clarke, Fink, 2007]. Как и в случае «золотого века» национальных государств, о котором говорят Ляйбфрид и Цюрн, в случае «золотого века» государств благосостояния [Huber, Stephens, 2001] мы находим

сборки элементов – широких концепций благосостояния, более широкого поля для социального вмешательства со стороны государства в конкретных проектах строительства/перестройки наций, – затвердевшие и закрепившиеся в образованиях, которые мы стали называть «государствами благосостояния». Такие стабилизации сборок обычно скрывают условия их собирания: они начинают выглядеть связными, едиными сущностями и к ним начинают именно так относиться. Только когда нити распутываются и точно сочлененные части отсоединяются, открывается возможность увидеть «следы ассоциации», посредством которой они были сконструированы. И в таких точках мы имеем больше возможностей увидеть, как разные элементы могут подвергаться воздействию разных, расходящихся и даже противоречащих друг другу сил, давлений и политико-культурных проектов, устремленных в новых направлениях и на новые сборки.

Это были, конечно, национальные образования, по крайней мере в двух смыслах. Они имели место в том (очевидно) стабильном территориальном политическом и социальном пространстве, на занятие и представительство которого притязали национальные государства. И они были национальными государствами еще в том смысле, что были частью поля агентов, политик и практик, через посредство которого конструировались, изобретались и совершенствовались нации. Нации – уникальные комбинации людей, места и политики – всегда находились в процессе становления, хотя в исследованиях государства благосостояния это редко оказывается в центре внимания [см. несколько разных исключений: Castells, Hineman, 2002; Unsettling Welfare... 1998; Lewis, 1998]. Трактовка государств благосостояния как составных образований, собранных из благосостояния, государства и нации, делает видимыми три ключевые вещи: во-первых, разные элементы, которые были друг с другом соединены; во-вторых, специфическую значимость нации для мышления о государствах благосостояния; в-третьих, возможность отделения разных элементов. И еще одно замечание в связи с вопросом об отделении последних в контексте споров о трансформации государства благосостояния, или реформе благосостояния. Как я покажу в последнем разделе, он важен для оценки того, что именно «реформируется» или «трансформируется»: благосостояние, государство или нация. Всегда есть соблазн перепутать и смешать их. Вместо этого, как предполагает метафора «нитей» у Ляйбфрида и Цюрна, нам лучше было бы вычленять разные элементы и их траектории.

Государства благосостояния как национальные государства: производство народов и популяций

В этом разделе я хочу обратиться подробнее к вопросу о государствах благосостояния как национальных государствах. Принятый в исследованиях государства благосостояния методологический национализм означает,

что к «национальному» характеру государств благосостояния подходили банально: как оценить и объяснить различия между национальными государствами – или системами – благосостояния? Здесь «национальное» принимается как обозначение места, где возникают государства благосостояния; применяется «контейнерная» модель национального пространства. Иногда нация бывает более активным элементом в таком анализе – в виде политики или культуры, отличающей ее от других наций, которая отражается или воспроизводится в политике благосостояния. Но такие подходы к нации никогда не изображают ее как объект конструирования, как нечто вырабатываемое, собираемое, производимое социальными практиками (строительство нации мыслится как дело развивающихся или эмерджентных наций и их государств, незначимое для изучения «зрелых» обществ).

Шарма и Гупта определенно правы, говоря, что «нынешний режим глобализации» сделал более зримой сконструированность нации (а также ее сочленения с государствами). Различные процессы внесли свою лепту в «расшатывание» кажущейся стабильности нации – как на практике, так и в академической работе. Вопросы, касающиеся глобализации, международных или наднациональных институтов, потоков финансов, товаров и людей, пересекающих национальные границы, и все более спорных и мобильных пространств наций (от объединения Германии до конца Советского блока), – все они проблематизировали национальное государство как стабильную и единую сущность (и суверенитет). Пожалуй, важно будет заметить, что новая зримость этих проблем не должна вести нас к мысли, что в прошлом такой текучести, неопределенности и выведения из равновесия не существовало. «Стабилизированное положение дел», которое мы называем национальным государством, скрывало условия собственного конструирования (особенно свою тесную связь с другими местами, прежде всего своими колониальными другими, и зависимость от них). При нынешнем режиме глобализации легче увидеть транснациональные условия образований национального. Однако ранние режимы глобализации, особенно режим европейского колониализма, служили фундаментом для роста (по видимости) территориально замкнутого национального государства, базирующегося на экономических, политических и культурных связях с «другими местами».

Создание нации можно рассматривать как непрерывный процесс, а не особую фазу национального развития. Ключевым двигателем этих процессов были государства; через них создавались и распространялись национальные истории, проектируемые будущие и концепции национального характера или культуры, которые нуждаются в защите или проектировании. Политики и практики благосостояния были политиками и практиками сборок, через которые государства проделывают такую работу, варьирующую в диапазоне от уточнения и мониторинга «национального членства» (и, следовательно, «правомочий») до «улучшения» популяции и нынешней заботы о том, чтобы сделать политические программы ориен-

тированными на индивидуальные нужды и гарантировать активность граждан. К некоторым из этих вопросов я еще вернусь в следующем разделе статьи, пока же отмечу, насколько важно смотреть на то, как благосостояние вовлечено в процесс создания нации. На мой взгляд, в этих сочленениях нации и благосостояния есть два аспекта – создание народов и создание населений, отождествляемые в недавней работе Парты Чаттерджи [Chatterjee, 2003]. Чаттерджи утверждает, что гражданство заключается в скобки двойной логикой – гомогенной концепцией нации и гетерогенной концепцией объектов управления:

Короче говоря, классическая идея народного суверенитета выражена в политико-правовых фактах равного гражданства, производимых в гомогенном конструкте нации, в то время как деятельности, связанные с управлением, требовали множественных, перекрестных и подвижных классификаций населения как множества целевых объектов различных политических программ. Следовательно, здесь мы имеем антиномию между возвышенным политическим образом народного суверенитета и мирской административной реальностью управления: это антиномия между гомогенным национальным и гетерогенным социальным [Chatterjee, 2003. P. 36].

Мне это различие представляется чрезвычайно важным. Государства благосостояния были одним из ключевых мест для гомогенных конструктов нации – особенно для распространения (и, можно добавить, оспаривания) «политико-правовых фактов равного гражданства». Маршаллово видение гражданства основывается на этих развитиях и их институционализации в аппаратах государства, и «социальное» гражданство представлено здесь в связанных с благосостоянием политиках и практиках государств. При этом благосостояние артикулирует более специфически национальный характер отдельных мест, наделяя ценностью и укрепляя особые представления о национальном характере, ценностях, культуре и образах жизни.

Кроме того, благосостояние – ключевое место для конструирования населений и управления ими, то есть для «мирской реальности управления». Оно заключает в себе труд по классификации (какого рода люди здесь есть?). Оно требует производства знания о составе населения (его изменчивой и всегда проблемной демографии), его действительном и желаемом уровнях развития (здоровье, образовании и т.д.), о его «потребностях» и о беспорядках в нем (дисфункциональных семьях, социально исключенных, правонарушителях, пассивно-зависимых индивидах и т.д.). Исследования управляемости, опирающиеся на работы Фуко, оказали большое влияние на наше понимание благосостояния и важности его как места для определения населения и управления им [см., например: *Analysing Social Policy...* 2006]. «Управление социальным» по-разному фреймирует работу государств, связанную с благосостоянием, и тем самым заставляет нас думать о «социальных фактах» (или о том, что Пуви называет «политической

арифметикой» [Poovey, 1995]), которые с XIX века были основным предметом внимания в исследованиях социальной политики.

Трансформация государств благосостояния: деконструкция или реконструкция?

В заключительном разделе статьи я обращаюсь к тем возможностям, которые открывает перед нами рассмотрение государств благосостояния как составных образований, сборок, ансамблей или констелляций. Раньше я уже указал, что такие понятия могут позволить нам размышлять о том, как разные элементы, сочлененные в государствах благосостояния, разными способами оспаривались и подвергались воздействию потенциально разнонаправленных политических проектов их «реформирования». Грубо говоря, некоторые политические проекты были сфокусированы на «реформе благосостояния»; другие имели целью «реформу государства»; третьи были явно нацелены на перестройку нации. Все они могут вносить свою лепту в «трансформацию государства благосостояния», но мы должны с подозрением относиться к идее, что все они друг с другом хорошо сочетаются и имеют согласованную единую направленность. На самом деле, было бы лучше утверждать, что как внутри особых национальных государств благосостояния, так и в контрастах между ними нынешние процессы трансформации несвязны, множественны и, возможно, противоречивы [Clarke, 2006; Clarke, forthcoming b].

Каждый из элементов – «благосостояние», «государство» и «нация» – был мишенью множественных вызовов [Clarke, 2004]. Например, «борьба с благосостоянием» (anti-welfarism) сочетает и конденсирует в себе социальное движение, критикующее неадекватность, недостижимость и унижительную обусловленность социального обеспечения, тревоги и разочарования тех, кто поставляет благосостояние, в связи с проблемами управления отношениями с «клиентскими группами», а также неоконсервативную и неолиберальную критику «зависимости от обеспечения». То, что такие неолиберальные и неоконсервативные вызовы стали доминирующей позицией в реформе ряда систем национального благосостояния (прежде всего, конечно, в США), не должно скрывать от нас множественность и противоречивость ориентаций, сконденсированных в борьбе против благосостояния и порыве к «реформе благосостояния». Активные субъекты – не просто фантазия неолибералов. Аналогичным образом «антиэтатизм» конденсирует в себе множество разных сомнений по поводу господствующей позиции государства как «власти» в обществе и над обществом и вызов этой позиции. Даже те, кто рассматривал государство как наиболее доступный «двигатель» для улучшения общества, испытывают сомнения как по поводу его эффективности, так и по поводу его «темной стороны» – осуществления власти и господства без адекватного контроля («социального контроля», в старом социалистическом

смысле). Социальные движения и на Севере, и на Юге смотрели на государство как на гаранта прав, справедливости и равенства, но в то же время держали в поле зрения активное и могущественное гражданское общество как средство для сопротивления государству и предъявления ему требований. Подобную двойственность в отношении к государству нужно иметь в виду, даже когда мы замечаем доминирование неолиберальных «рыночно-освободительных» дискурсов антиэтатизма – как в некоторых национальных средах, так и в международных организационных средах «глобальной управляемости» [Global Governmentality... 2004].

Проекты реформы государства редко бывают едиными и связными [Clarke et al., 2007]. Переделка аппаратов, практик и личного состава, через которые осуществляется управление социальным, упорядочивалась разными силами – и принимала при этом разные формы. Возможно, нам нужно также принять во внимание, что проекты государственной реформы обычно не ограничиваются «государством благосостояния», а нацелены на переделку всей архитектуры управления и связей между государством и обществом, государством и экономикой, а также внутrigосударственных отношений. Вопросы, поднимаемые в дебатах об управлении и управляемости, доводы о «дезагрегировании» государств или меняющихся связях между разными моделями господства, оказали мало влияния на дискуссии о государствах благосостояния (как если бы государства благосостояния были чем-то отдельным от государств [см. например: Remaking Governance... 2005; Slaughter, 2004; Critical Perspectives... 2008; van Berkel, 2007]).

Такие государственные реформы часто смыкались с дискуссионным повторным изобретением «наций». Здесь мы тоже можем увидеть плотное и напряженное пересечение разных сил, интересов и проектов – в диапазоне от давлений, побуждающих «открыть» нацию потокам глобализирующегося мира, до попыток восстановить «традиционное» единство народа, места и расы перед лицом перемещений людей (или, по крайней мере, неправильных видов людей). Европа становится все более восприимчивой к подобным реставрационным проектам – версиям этнокультурного «протекционизма» (в контексте экономической либерализации). Например, Колб утверждает, что одним из следствий «глобализирующих» неолиберальных рыночных реформ стало «нарастание контрнарративов национализма, локализма, религии и традиции, часто мужского шовинизма и патерналистского убеждения» [Kalb, 2005. P. 187]. Такие расходящиеся споры о нации оказывают могущественное воздействие как на благосостояние, так и на государство, поскольку попытки сконструировать объединяющую концепцию народа плохо совмещаются с задачами управления многоэтническим населением.

Для исследований государств благосостояния различение этих трех элементов открывает новые аналитические перспективы. За последние 20 лет было много споров по поводу единообразных и однолинейных концепций трансформации (как то: конец или выживание государства благосостояния;

глобализация и конвергенция *versus* национальные различия; подъем неоллиберализма и конец «социального»). Глядя на эти три элемента и формы, в которых они сочленяются, можно увидеть в большей степени неровную и дифференцированную динамику изменения. В одной из публикаций [Clarke, 2004] я воспользовался треугольником, чтобы наглядно представить разные споры по поводу благосостояния, государства и нации, в которых оставались не распутанными принимаемые на веру сочленения (о которых мы говорили как о государствах благосостояния). Здесь я хочу обратиться к третьей оси, связывающей благосостояние и государство и ставящей вопрос о том, какого рода властные упорядочения благосостояния имеют место. В простейшей форме споры обычно ведутся в терминах разницы между государственными и рыночными формами (или между иерархией, рынками и сетями). Либо употреблялось понятие смешанной экономики благосостояния, обозначавшее изменчивые группирования и роли множества «секторов» (общественного, частного, некоммерческого/третьего сектора) в обеспечении благосостояния, хотя такие управленческие упорядочения должны обращаться к процессам обеспечения, финансирования и регулирования. В таких ролях государства могут продолжать действовать как агенты того, что Джессоп называет «метауправлением», организующим архитектуру управления и ее внутренние связи:

В комплексе новых механизмов управления государство сохраняет за собой право открывать, закрывать, перетасовывать и перемонтировать управленческие меры, не только имея в виду особые функции, но и с точки зрения партийной и общей политической выгоды [Jessop, 2000. P. 19].

Хотя типологии систем и секторов управления указывают в какой-то мере на нынешнюю динамику изменений в управлении благосостоянием, они все же, видимо, недостаточно гибки, чтобы ухватить эмерджентные и гибридные формы организации, заключенные в производстве и распределении благосостояния [Clarke, forthcoming b]. Формы работы, затрагивающие разные сектора (в Соединенном Королевстве это такие формы, как тресты, партнерства и социальные предприятия), ставят новые проблемы для анализа и оценки. Проницательная и насыщенная идеями работа Жанин Ведель о «гибких организациях», функционирующих на границах и поверх границ между общественным и частным секторами, показывает один из способов подхода к таким развитиям [Wedel, 2000]. Такие управленческие механизмы невозможно понять ни в чисто секторных терминах, ни в рамках простых моделей приватизации или маркетизации. Вместо этого нам необходимо изучать, как реконструируются ресурсы, господство, экспертиза и (в каких-то случаях) ответственность в гибридизированных архитектурах управления благосостоянием. Такие нововведения влияют также на пространственную и градиционную организацию благосостояния, поскольку появляются «новые пространства благосостояния» [Cochrane,

2006]. Формы децентрализации и деволюции совпадают иногда с изменениями в композиции благосостояния. Например, исследование Олдред о государственно-частном партнерстве в здравоохранении обнаруживает инновационные организационные формы, втянутые в изобретение и создание «локальных экономик здравоохранения» [Aldred, 2007]; а ван Беркель показывает, как программы оживления рынка труда в Нидерландах сочетали «персонализацию» в политике и практике с приватизацией и децентрализацией самой услуги оживления [Van Berkel, 2007].

Короче говоря, рассмотрение государств благосостояния как сборок, или сборных образований, делает эти процессы более видимыми и, как кажется, объясняет некоторые из разочарований, порожденных нынешними спорами о трансформации государств благосостояния. Если государства благосостояния не являются связными и единичными объектами анализа, то отслеживание изменений, по всей видимости, требует больше, чем единичного индикатора (или даже единичного набора индикаторов). В конечном счете, это аргумент в пользу более детального подхода к изучению государств благосостояния (каждого по отдельности и в сравнении друг с другом). Он требует внимания к социальным объектам как к сборкам, ансамблям, констелляциям или составным образованиям и, следовательно, к возможности множественных, а не единичных процессов трансформации.

Он также предполагает уход от методологического национализма, господствовавшего до сих пор в исследованиях государств благосостояния. Это не возвращение к бесплодным дебатам о глобальном и национальном. Скорее, это утверждение, что все национальные образования производятся в транснациональных отношениях, процессах и практиках и через них (и что такие национальные условия варьируют в зависимости от места и времени). Национальные системы благосостояния определенно упорно сохраняются, и национальные политические и национальные образования остаются важными локализациями политических и управленческих проектов и конфликтов. Тем не менее концепции благосостояния, нации и государства (и представления о том, как они могли бы быть лучше собраны) сами по себе находятся под воздействием транснационального потока идей, политик, сравнительных и конкурирующих оценок, моделей «наилучшей практики» и связей обучения и подражания [см., среди прочего: *Transnational Governance... 2006; Critical Perspectives... 2008; Global Governmentality... 2004; Lendvai, Stubbs, 2006; Newman, 2006*]. Каждый «национальный» проект реформы благосостояния сочленяется с такими транснациональными потоками, заимствуя, отвергая и индигенизируя разные элементы. Хотя такие потоки и институционализации «глобальной управляемости» несут определенные доминирующие послания, модели и дискурсы (не в последнюю очередь циркуляцию целой батареи нелиберальных концепций о необходимости реформы как благосостояния, так и государства), они образуют поле обмена, в которое погружены конкретные национальные проекты.

Эти вовлечения множественны (а не являют собой единичную связь, или способ передачи) и создают пространство возможностей для «национальных» калькуляций и маневров – хотя такие пространства по-разному распределяются между нациями. Следовательно, и здесь мы должны избегать единых концепций наших объектов изучения (и тех бинарных различий, которые они с собой приносят): это не чистые нации (и различие глобального/национального), а национальные образования, погруженные в транснациональные поля связей. Но разве кто-нибудь говорил, что изучение государств благосостояния – дело простое?

Список источников

Aldred R. Governing “Local Health Economies”: The Case of NHS Local Improvement Finance Trust (LIFT) / PhD thesis. Goldsmiths College, University of London, 2007.

Analysing Social Policy: A Governmental Approach / ed. by C. McDonald, G. Marston. Cheltenham: Edward Elgar, 2006.

Castells M., Himenan P. The Information Society and the Welfare State: the Finnish Model. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Castles F. The Future of the Welfare State: Crisis Myths and Crisis Realities. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Chatterjee P. The Politics of the Governed. N.Y.: Columbia University Press, 2003.

Clarke J. Changing Welfare, Changing States: New Directions in Social Policy. London: Sage, 2004.

Clarke J. Welfare States as Nation States: Some Conceptual Reflections // Social Policy and Society. 2005a. Vol. 4. № 4. P. 407–415.

Clarke J. Disorganizzare Il Pubblico? // La Rivista delle Politiche Sociali. 2006. № 2 (April-June).

Clarke J. Introduction: Governing the Social // Cultural Studies: Special Issue on Governing the Social (forthcoming a).

Clarke J. Governance Puzzles // Governance: Managing or Governing? / ed. by L. Budd, L. Harris. London: Routledge (forthcoming b).

Clarke J., Fink J. Unsettled Attachments: National Identity, Citizenship and Welfare // Culture and Welfare State / ed. by M. Opielka, B. Pfau-Effinger, W. van Oorschot. Brighton: Edward Elgar, 2007.

Clarke J., Newman J., Smith N., Vidler E., Westmarland L. Creating Citizen-Consumers: Changing Publics and Changing Public Services. London: Sage, 2007.

Cochrane A. Understanding Urban Policy. Oxford: Blackwell, 2006.

Critical Perspectives on Private Authority in Global Politics / ed. by H. K. Hansen, D. Salskov-Iversen. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008.

- Daly M.* The Gender Division of Welfare. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Ellison N.* The Transformation of Welfare States? London: Routledge, 2006.
- Garland D.* The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
- Global Governmentality* / ed. by W. Larner, W. Walters. London: Routledge, 2004.
- Huber E., Stephens J.* Development and Crisis of the Welfare State: Parties and Policies in Global Markets. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
- Jessop B.* Governance Failure // The New Politics of British Local Governance / ed. by G. Stoker. Basingstoke: Macmillan, 2000.
- Kalb D.* From Flows to Violence: Politics and Knowledge in the Debates on Globalization and Empire // Anthropological Theory. 2005. Vol. 5. № 2. P. 176–204.
- Latour B.* Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Leibfried S., Zürn M.* Reconfiguring the National Constellation // Transformations of the State / ed. by S. Leibfried, M. Zürn. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 1–36.
- Lendvai N., Stubbs P.* Translation, Intermediaries and Welfare Reforms in South Eastern Europe / Paper presented at the 4th ESPANET conference, Bremen, September, 2006.
- Lewis G.* Forming Nation, Framing Welfare. London: Sage, 1998.
- Remaking Governance: Peoples, Politics and the Public Sphere* / ed. by J. Newman. Bristol: The Policy Press, 2005.
- Newman J.* Constituting Trans-National Governance: Spaces, Actors and Vocabularies of Power / Paper presented to 4th ESPANET conference, Bremen, September, 2006.
- Poovey M.* Making a Social Body: British Cultural Formation 1830–1864. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Sharma A., Gupta A.* Rethinking Theories of the State in an Age of Globalization // The Anthropology of the State: A Reader / ed. by A. Sharma, A. Gupta. Oxford: Blackwell Publishing, 2006.
- Slaughter A.* A New World Order. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.
- Stenson K.* Crime Control, Social Policy and Liberalism // Rethinking Social Policy / ed. by G. Lewis, S. Gewirtz, J. Clarke. London: Sage / The Open University, 2000.
- Sykes R.* Studying European Social Policy – Issue and Perspectives // Developments in European Social Policy: Convergence and Diversity / ed. by R. Sykes, P. Alcock. Bristol: The Policy Press, 1998.
- Transnational Governance: Institutional Dynamics of Regulation* / ed. by M.-L. Djelic, K. Sahlin-Andersson. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Unsettling Welfare: The Reconstruction of Social Policy* / ed. by G. Hughes, G. Lewis. London: Routledge / The Open University, 1998.
- Van Berkel R.* Making It Personal. Bristol: The Policy Press, 2007.

Wedel J. Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe. N. Y.: Palgrave, 2000.

Williams R. Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. London: Fontana, 1976.

Джон Кларк

PhD, профессор кафедры социальной политики
факультета социальных наук

Открытого университета, Великобритания

электронная почта: john.clarke@open.ac.uk

Перевод с англ. В. Г. Николаева